

Моему брату Пьеру

От Василия Васильева (Москва)
Мари Белгородски (Париж)

10 февраля 1994

Мадам,

Простите великодушно, что пишу Вам, хотя мы с Вами никогда не были представлены друг другу и незнакомы.

Я являюсь дальним родственником и другом Вашей двоюродной бабушки Наталии Белгородской, скончавшейся в Америке восемь лет назад. Вы о ней наверняка слышали. Она была женой князя Владимира Белгородского, зверски убитого в своем поместье Байгора 15 августа 1917 года. Этот замечательный во всех отношениях человек приходился, как Вам известно, старшим братом Вашему деду Мише.

Еще в самом начале своей болезни Ваша двоюродная бабушка Наталия отдала мне на хранение дневник (мы в России называем такого рода записки «Книга судеб»), который вел ее муж в 1916-м и 1917 году. Из него можно многое узнать о быте русского поместья

и о приходе большевизма. Он представляет большую ценность как человеческий и исторический документ, и мне бы хотелось, чтобы Вы его прочли. То, что он уцелел, само по себе чудо! Женщина по имени Паша, служившая в Вашей семье, сберегла его и затем отдала Вашей двоюродной бабушке Наталии перед тем, как она покинула страну вместе с Вашим дедом и его семьей. Пересечь всю Россию, охваченную Гражданской войной, и добраться до Крыма — это же настоящий подвиг!

Наталия Белгородская была очень привязана к Вашим деду и бабке, которые много ей помогали после гибели мужа. Она также была крёстной матерью Пети, Вашего отца. С его женой, француженкой, и с Вами ей так и не довелось встретиться. Думаю, она жалела об этом. Но, не правда ли, такова общая участь многих эмигрантских семей, рассеянных по всему свету?

Я буду проездом в Париже 11–12 марта и был бы счастлив встретиться с Вами и рассказать подробнее о «Книге судеб». Если на то будет Ваше желание, Вы сможете позвонить мне в гостиницу «Пантеон», где я собираюсь остановиться.

*С искренним уважением,
Василий Васильев*

Вот такое письмо я получила неделю назад, и, хоть убейте, все эти родственные дела для меня полная абракадабра. Мне ничего не говорят имена отправителя Василия Васильева, моей якобы двоюродной бабушки Наталии и ее мужа Владимира. Только название Байгора я, кажется, смутно помню.

Тем не менее это письмо адресовано мне и никому другому.

Меня зовут Мари Белгородски, мне сорок лет, я француженка. Русская фамилия досталась мне от отца, он родился в Петербурге в июне 1916 года. О нем и его семье я почти ничего не знаю. Они эмигрировали из России в 1919-м, полагая, подобно многим, что коммунистический режим долго не продержится, что красных прогонят и они вернутся домой. «Кто бы мог подумать, что мы покидаем родину навсегда» — от скольких эмигрантов можно было услышать эти слова!

Мои дед и бабушка, мой отец Петя и его сестра Елена получили французское гражданство незадолго до Второй мировой войны. Означает ли это, что они потеряли надежду когда-нибудь возвратиться на родную землю? Наверно. Мне жаль, что они не дожили до падения Берлинской стены и не увидели того, что за ним последовало, — конца коммунистического режима. Еще мне жаль, что я так мало знала их. Дед и бабушка умерли, когда мне не было и десяти лет, а отец — когда мне исполнилось пятнадцать. Боль этой утраты была так велика, что я постаралась забыть его, иначе я не смогла бы жить дальше.

Сегодня я понимаю, что точно так же поступил в свое время он сам, чтобы выжить. Решив стать гражданином Франции, он поставил крест не только на стране, где родился, но и на ее традициях, и на памяти о ней, строго-настрого запретив себе всякую ностальгию. Взрослая жизнь, которую предстояло строить, была для него важнее пусть богатого, пусть романтического, но прошлого. Он смотрел вперед, а не назад. И умер слишком рано, не дожив до того возраста, когда человек неизбежно ощущает потребность оглянуться на свое прошлое и, если возможно, кому-то передать то, что от него уцелело.

Его сестра, его двоюродные братья и сестры могли бы тогда принять эту, так сказать, эстафету. Но не получилось. Они жили кто в Испании, кто в Америке, кто в Англии, тоже получив иностранное гражданство.

Когда я была маленькой, родные иногда собирались все вместе. Мне они казались очень веселыми и полными сил. Разговаривали на нескольких языках сразу. В те редкие вечера в их обществе отец как-то вдруг преображался и с удовольствием говорил о летних днях в Байгоре, замерзших каналах Петрограда, морских купаниях в Ялте. Имена и названия будоражили мою фантазию. Не так, правда, как рассказы тети Елены. Больше всего я любила слушать про льва.

Если верить тете, моя бабушка Ксения бежала из России с двумя детьми и со своим любимцем — львом. Она захватила с собой немало драгоценностей и совсем мало вещей, потому что времени на сборы не было. Зато взяла льва. Лев был, конечно, ручной, однако имел привычку бросаться на кого вздумается, и его за это не наказывали. Увы, того, что сходило с рук в царской России, не потерпели в парижском предместье, где нашла приют моя бабушка. Мэру поступила жалоба от соседей, и он пожаловал лично, чтобы разобрать-

ся. Лев прыгнул на него — и тем решил свою участь. Невзирая на слезы и мольбы изгнанников, его расстреляли из карабина. Печальный конец русского льва.

Сознательное молчание отца, с одной стороны, байки тети Елены, с другой — откуда мне было взять хоть крупицу правды? Отец считал, что воспитывать детей должны женщины. Обещал подключиться, когда я повзрослею. К сожалению, его не стало раньше. Чему бы он научил меня? Думаю, открыл бы передо мной горизонт и сказал: смелее, вперед.

Так я и поступила. Моя собственная жизнь занимала меня куда больше, чем прошлое двух ветвей моей семьи — французской и уцелевшей русской. Я спешила взрослеть и с облегчением рассталась с детством, мне не терпелось узнать новых людей, увидеть новые края. Реализовать себя в своей работе — только это казалось мне по-настоящему важным.

Потом прошли годы. Время от времени кто-то, случалось, удивлялся моему равнодушию. Как я могу не интересоваться своим славным родом? Забыть, что мой отец был князем? Неужели мне не хочется узнать Россию, священную землю моих предков? Отсутствие ностальгии воспринималось в лучшем случае как поза, в худшем — как недалекость и не-

вежество. Действительно, я никогда не склонна была умиляться, листая семейные альбомы, как и вспоминать о болезни отца и его смерти в сорок шесть лет. Выражение «искать свои корни» меня безумно раздражало. Нет, создать их самой, на своей почве — вот чего я хотела. Пусть моими корнями станет моя работа.

Иногда, редко-редко, мне все же случалось оглядываться на то, что было далеко, очень далеко позади.

Однажды кто-то из друзей принес мне книгу Арагона под названием «Ура Урал!». В одном стихотворении автор проклинал «лютого поручика Белгородского» и призывал на его голову и на всех его потомков кару небесную. Тетя Елена рассказывала мне, как дед, отправив семью за границу, ушел в Белую армию, как он «до последнего солдата, до последнего вздоха» бился с красными. Стало быть, мой дед и его потомки прокляты Арагоном — это мне ужасно понравилось!

В другой раз я надела свой девичий перстень; он и сейчас у меня на руке, и я люблю на него смотреть, но не потому что это мое русское наследство — просто он красивый.

Потом умерла тетя Елена; мы с ней так и не успели восстановить родственные отношения.